

УДК 930.1

Кургузов Владимир Лукич**Историческая память и забвение в культурном пространстве как репрезентация прошлого в настоящем****Аннотация**

Соотношение традиционного и инновационного в культурном пространстве России остается актуальной проблемой социо-культурной практики. Однако механизм передачи позитивного опыта, как в аспекте традиции, так и в рамках поиска оптимальных инноваций, до сих пор не найден. Решение этой глобальной проблемы во многом зависит от наличия *исторической памяти* и ее связи с *забвением*. При этом забвение – это не утрата, а феномен, способный превращаться в фактор *эволюции и развития*. С другой стороны, воссоздание традиционного новыми людьми и в новых условиях не может быть ничем иным, как *творением нового*. Память – это не только то, что мы *помним*, но и то, что *забываем*. Социальный аспект этой проблемы состоит в том, что с помощью забвения преодолеваются те элементы наследия, которые мешают состояться новой форме жизни. Историческая память есть необходимое условие духовного самоопределения, без которого невозможна или, во всяком случае, ущербна жизнь в культуре.

Ключевые слова

Культура, традиция, инновация, память, забвение, наследие, прошлое, настоящее.

В Пространстве есть какая-то магическая сила, влекущая к его многообразию, зовущая войти внутрь его

бесчисленных тайн и «белых пятен», узнать подробнее, в деталях, наполняющее его «вещество жизни». Словом,

увидеть и понять, что же происходит важное, сокровенное «здесь и теперь», в невидимых сетях параллелей и меридианов, вертикалей и горизонталей, рубежей и направлений, – всех тех пространственных характеристиках, которые облегчают или затрудняют наше земное существование.

Составляя, наряду со временем, главное свойство материи, главное условие нашего бытия, Пространство, как его основополагающая географическая данность, наполнено великим смыслом.

В текущей повседневности обыденной жизни оно сбрасывает с себя категориальные, философские одежды. Не теряя своей природной самобытности, оно сплошь заполнено плотью жизни, существует в понятиях, символах и направлениях, за которыми мы – современные люди со своими заботами, надеждами, огорчениями и радостями. Люди перемещаются в пространстве, движимые своими целями, что-то находят, что-то теряют... Оно, Пространство, порождает в нас что-то такое, что заметил в свое время Ж.Жорес, говоря о русских как о широко и разбросано живущем народе.

О «власти пространства над русской душой» писал Н.А. Бердяев: «Ширь русской земли, и ширь рус-

ской души давили русскую энергию, отрывая возможность движения в сторону экстенсивности. Эта ширь не требовала интенсивной энергии и культуры. От русской души необъятные русские пространства требовали смирения и жертвы, но они же охраняли русского человека и давали ему чувство безопасности»¹. О власти пространства над «русской душой» в контексте поисков инновационного пути развития России писали А.С. Хомяков, П.Я. Чаадаев, Ф.М. Достоевский, В.С. Соловьев, К.Н. Леонтьев и многие другие русские мыслители, которые были искренне заинтересованы в судьбе России, ее могуществе и расцвете во всех областях человеческой жизнедеятельности. Причем, при всех частных разногласиях большинство русских философов все же увязывали вопросы развития России с сохранением и упрочением национальных, культурных традиций.

Проблематика соотношения *традиционного* и *инновационного* в культурном пространстве России продолжает и сегодня оставаться важнейшей проблемой научных исследований, особенно средствами культурологического дискурса. Однако

1 Бердяев Н.А. Судьба России. – М., 1990. – С. 67.

углубляющиеся процессы глобализации, межэтнические конфликты позволяют нам сделать вывод о том, что механизм передачи позитивного культурного опыта – как в аспекте освоения традиции, так и в рамках поиска оптимальных инноваций, до сих пор не выработан.

Решение этой глобальной и архиважной задачи во многом зависит от того, что взаимосвязь традиционного и инновационного в российском культурном пространстве концентрируется вокруг проблематики *исторической памяти*, а, стало быть, и *исторического забвения* тоже, ибо память – это вторая сторона забвения, которое, к счастью, никогда не бывает полным. Вполне допускаю, что прошлое может стать даже идеалом и ориентиром действия современного общества, но только будучи основательно забытым, в своей исторической конкретике, нередко в виде своеобразного «белого пятна» истории. При этом чаще всего прошлое предстает в настоящем уже в идеализированном виде. Для каждого поколения русских людей всегда будет свой Пушкин, свой Достоевский, свой Александр Невский.

«В контексте проблемы исторической памяти забвение, – как справедливо отмечает В.И.Марков, – обыч-

но воспринимается как некая утрата, потеря. Однако забвение – феномен многоаспектный и полифункциональный, способный всегда превращаться в элемент эволюции, как истории, так и культуры в целом. Культура никогда не изживает свои времена»². Глубинные, архетипические слои культурной памяти всплывают обычно в годы кризисов и начинают вновь определять направленность человеческой деятельности. «И в этом смысле забвение никогда не бывает полным. Для истории достаточно типичны ситуации, когда социальные общности двигаются вперед, к новому, имея ориентиром идеализированное прошлое»³. И это понятно, ибо кризис – это обрыв преемственности, и впереди пустота, неизведанное, хаос. Психологически в эти моменты необходимы любые опоры, позволяющие обрести утраченную почву.

Часто бывая в Китае, я убедился в том, что увлечение современных китайцев «снизу доверху» конфуцианством есть ничто иное, как но-

2 Марков В.И. Забвение как катарсис. // Второй Российский культурологический конгресс. – Культурное многообразие: от прошлого к будущему. – Программа. Тезисы докладов. – СПб., 2008. – С. 202.

3 Там же.

стальгия об ушедшем «золотом веке» с «мудрыми императорами» и «министрами», «детьми, почитающими своих родителей» и предков вообще. Вся история, вся философия современного Китая, гуманитаристика в целом – пронизаны идеями Конфуция, которые экстраполируются на различные сферы действительности. Китай, как никто другой, демонстрирует сегодня верность тезису о том, что полного забвения в истории не только не бывает, оно вообще не должно быть.

Именно во времена кризисов, особенно кризисов глобального порядка, начинается отрицание деяний поколений «отцов» и обращение к опыту и достижениям «дедов». Якобы возврат «к истокам» становится прокладкой путей в будущее. Тем более, что объективно *воссоздание старого* новыми людьми в новых условиях не может быть ничем иным как *творением нового*. (Кстати, это один из вариантов проявления гегелевской «хитрости разума», ведущего людей отчужденными путями истории). Но прошлое может стать идеалом и ориентиром действия, только будучи основательно забытым в своей исторической конкретике, лишь представ в идеализированном виде. Иначе для новых поколений оно могло бы выгля-

деть весьма отталкивающим с точки зрения современных представлений о жизни.

Общепринятым является мнение о том, что «традиция, понимаемая как историческая память, представляет собой не только наследие, но и включает в себя процесс передачи культурного опыта, т.е. его восприятие в новом контексте, в том числе и забвения»⁴. Вопрос в том, как мыслить этот контекст, прежде всего, как понимать категорию «исторического забвения»? На мой взгляд, перспективными представляются модели философии истории, разрабатываемые в герменевтике Г. Гадамера и П. Рикера, а также коммуникативной теории Ю. Хабермаса⁵. Герменевтическую категорию «применения» исторической памяти и традиции успешно развивает П. Рикер в своем исследовании взаимосвязи памяти и забвения. Его

4 См.: Линченко А.А. Диалектика памяти и забвения в понимании соотношения традиционного и нового в культуре. // Второй Российский культурологический конгресс. – Культурное многообразие: от прошлого к будущему. – Программа. Тезисы докладов. – СПб., 2008. – С. 203.

5 См.: Гадамер Г.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. – М., 1988. – 704 с.; Современная социальная теория: Бурдьё, Гиденс, Хабермас. – Новосибирск, 1995. – 120 с.

девиз – «уметь не забывать, но и не становиться заложником собственной памяти»⁶. Иными словами, П.Рикер постулирует идею «справедливой памяти», которая находится между памятью, которая все забывает, и памятью, которая помнит все. «Соразмерная память», следовательно, имплицитно предполагает «забвение». П.Рикер полагал два основных вида забвения: забвение как «стирание следов» и забвение как «резерв памяти». Однако «соразмерная память», по мнению Рикера, должна оборачиваться «умиротворенной памятью», в рамках которой особую значимость приобретают «этические понятия вины, прощения и покаяния»⁷. Подобная постановка вопроса означает, что центральным понятием наряду с «*исторической истиной*» выступает понятие «*исторической справедливости*». Однако, как мне представляется, достижение исторической справедливости и умиротворенной памяти возможно только на путях социальной справедливости вообще.

Итак, память – это не только то, что мы помним, это и то, что мы за-

бываем. Трансформируя реальность, забвение позволяет состояться развитию личности. В этом *терапевтическая функция* забвения. Социальный аспект этой проблемы состоит в том, что с помощью забвения преодолеваются те элементы наследия, которые мешают состояться новой форме жизни.

Например, Ж.Бодрийяр в своем эссе призывает забыть Фуко. Эссе так и называется – «Забыть Фуко». Однако забыть Фуко – это значит забыть Фрейда, забыть Фрейда – значит вытеснить из европейского самосознания пласт определенных философских представлений. Но это и есть актуальность забвения фрейдовской программы, которая состоит в том, что корни захватившей весь мир сегодня антропологической катастрофы Бодрийяр видит в «апологии самозамыкания любого человеческого опыта на себя». И эти устаревшие, по мнению Бодрийяра, представления эпохи Просвещения «мертвят философскую мысль Европы»⁸.

Диахроническая сущность истории и культуры в целом неизбежно предполагает трансформацию их

6 Рикер П. Диалектика памяти и забвения. // Культурология: Дайджест. – М., 2002. – С. 57.

7 Там же, С. 62.

8 Цит по: Макаров А.И. Проклятая память. О функциях забвения в культуре. // Второй Российский культурологический конгресс... С. 203.

основных ценностей, традиционных форм и представлений. Забвение в данном контексте выполняет функцию своеобразного «резервуара», в который, выражаясь образным языком, «до поры до времени» помещаются определенные (по разным причинам не актуальные в данный момент) элементы исторического и культурного опыта с целью их сохранения и реактуализации в будущем, когда «на новом витке» культурно-исторической динамики они вновь окажутся необходимыми для ее развития. Такова вкратце диалектика памяти и забвения в контексте соотношения традиционного и инновационного в культуре.

Однако, прежде чем дальше развивать мысль, заданную темой публикации, надо бы объяснить по поводу сущности категорий *традиции, инновации* и *исторической памяти*. С *традицией* более или менее все ясно – это опыт поколений, заложенный в смыслах и ценностях конкретной культуры в конкретном Пространстве и Времени. С *инновацией* дело обстоит сложнее, ибо категорию инновации многие даже сведущие люди часто ассоциируют с любым нововведением. Так ли это? Нет, не так!

Французское *innovation* восходит к латинскому *innovatio* (обновление, перемена). Еще в 80-е годы прошлого века абстрактного слова инновация не было в словарях русского литературного языка. А вот в «Толковом словаре иноязычных слов Леонида Крысина, вышедшем в 2006 году, *инновация* толкуется как *нововведение, новшество*. Под словом «нововведение» словарь Ожегова – Шведовой понимает как «*новое правило, вновь установленный порядок*»⁹.

Естественно, возникает вопрос, не является ли инновация одним из ненужных заимствований, дублирующих уже имеющиеся в русском языке собственные слова? Здесь надо разобраться, ибо сегодня и политики, и экономисты, руководители вузов и учреждений науки – все требуют инноваций, а что это такое – толком никто не разъясняет. Все дело в том, что нередко заимствованное слово обозначает не то же самое, что близкое ему по значению искомое слово.

Например, слово «*киллер*» – не просто «убийца», но «тайный, наемный убийца». А то, что он «тайный», в свою очередь отличает его от слова «палач». Или взять такое модное сегодня

9 Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1975. – С. 381.

ня слово «*имидж*»: это, конечно же, «образ», но не любой, а «специально создаваемый». Подобную картину мы наблюдаем и в противопоставлении слов «новшество», «нововведение», «инновация».

Перестановка мебели или замена портретов в кабинете начальника – это, разумеется, новшество. А регистрация времени прихода и ухода сотрудников, если ее раньше не было, – конечно же, нововведение. Однако ни то, ни другое инновациями назвать нельзя, поскольку эти изменения не приводят к крупным, серьезным *системным последствиям*. Поэтому слово «*инновация*» обозначает такое новшество или нововведение, которое, *во-первых*, делает соответствующую систему существенно более эффективной, и, *во-вторых*, как следствие, имеет положительную оценку. Поэтому, встречаясь со словом «инновация», следует понимать, что за ним стоит весьма радикальное улучшение чего-либо, например, улучшение здоровья, повышение производительности труда, улучшение качества обучения, повышение наукоемкости производства и т.д.

В дальнейших рассуждениях отдадим должное понятию «*историческая память*». Многие исследова-

тели вполне отдают себе отчет в том, что это понятие довольно-таки многозначное, неопределенное, если угодно – не строгое и даже не научное, и, тем не менее, все пользуются им, полагая, что все же некую завесу над тайной человека и его культуры оно приподнимает.

Что же такое «историческая память»? *Исторической памятью* я для себя обозначаю *таинственную способность, потенциально присущую каждому человеку, переживать историю как собственную духовную биографию*. Эта способность реализуется в двуедином акте опознания истории в себе и себя в истории.

К этому можно добавить и следующее. В качестве духовной способности – историческая память активна, то есть не безразлична к своему предметному содержанию. Именно поэтому для нас вовсе не бессмысленны такие понятия, как «грехи отцов», ощущаемые нами как собственные. Кроме того, историческая память есть необходимое условие духовного самоопределения, без которого невозможна или, во всяком случае, крайне ущербна жизнь в культуре.

Усыхание или угасание этой способности означало бы конец духовной культуры, неминуемо приве-

ло бы (да и уже приводит!) к жалким, всегда плоским и безвкусным попыткам культурного самочинства. Лишить человека исторической памяти – это значит лишить человека его духовной определенности, то есть убить в нем личность. Лишить человека исторической памяти, наконец, с моей точки зрения значит лишить его вообще культуры как важнейшей формы бытия человека, без которой он исчезнет как биологический вид.

Историческая память – явление универсальное, потенциально она присуща каждому человеку и, стало быть, каждому народу. Но, возьму на себя смелость утверждать, что в России, в русской культуре имеет место какое-то совершенно особое состояние исторической памяти. В России – совершенно особые, отличные, скажем, от стран Европы отношения с исторической памятью. Можно сказать и так: у нас историческая память выполняет совсем иные функции. Я уже не говорю о том, что мы частенько впадаем в беспамятство, забывая, порой, даже святыне для всей русской истории вещи.

Допуская мысль, что, скажем, занятия историей, спекуляции вокруг истории, фальсификация истории изобретены, может быть, и не нами.

Но сама по себе – любовь к истории – свойственна не только нам одним. Однако моя мысль, если постараться выразить ее кратко, заключается в том, что у нас (в нашем культурном пространстве, по крайней мере, в культуре развитой с пушкинских времен) выработался свой, особый подход к истории. Мы целиком нацелены на события родной истории, а они – что самое важное – выступают для нас не просто как предмет абстрактно-историографического, академического интереса и не как объект восхищения, уважения, поклонения, но как воплощение некоторых актуальных, жизненных проблем, требующих от каждого личного участия в их решении.

Поэтому суть не в том, что историческая память у нас развита, дескать, лучше или хуже, чем у других народов, а в том, что она находится у нас в *ином*, нежели у них, *состоянии*. «Единицами хранения» у нее служат не столько отдельные события, акты той или иной исторической драмы, сколько *проблемы, вопросы, головоломки*, причем не историографического, а экзистенциального плана.

Иными словами, функционирование нашей исторической памяти не сводится к исполнению задач инфор-

мативного или, положим, эпически-повествовательного характера, напротив – оно всегда отягощено задачами оценочного порядка, задачами выяснения значений, смысла произошедшего для нашего сегодняшнего бытия. То есть: *прошлое* для нас – это *инобытие* наших сегодняшних проблем, отчего у нас оно, между прочим, и не воспринимается как некая завершенность, как данность. Нет, оно – хоть и прошлое, но принципиально не закончено, все могло быть иначе, все еще можно переделать, на тот путь еще можно вернуться! – вот характерные для нас рассуждения.

Посмотрите сами: первое слово русской литературы, а с ней и общественной, философской, культурологической мысли – это слово **ИСТОРИЯ**. Но как оно сказано? А так, что еще толком ничего не произнесено, не написано, язык наш еще только нащупывает свою дорогу, но сразу же, с места в карьер – вопросы, вопросы, и еще раз вопросы!

Есть у нас своя история или нет? Если есть, то почему она такова? Могла она быть иной? А что было бы, если бы Россия пошла по иному пути? Реформы Петра пошли на благо Руси или во вред? А что означало явление Ивана Грозного? А татарское наше-

ствие? А что бы стало, если бы у нас было бы принято не православие, а католичество или ислам? А зачем мы приглашали в правителей Руси варягов? А что было бы, если бы Наполеон завоевал Россию?... Сколько вопросов! А ответов? У каждого свой... И тут начинаются первые расхождения, взаимные непонимания, спор...

Я не стану выражать здесь свою точку зрения на эти или иные вопросы. Для меня важно другое: зафиксировать лишь сам факт появления в культуре потребности постоянно обращаться к истории, *спорить о нашем прошлом*. Сказанное, конечно же, не означает, что кроме этого у нас никогда никто ничем не занимался. Нет, несомненно, русскую мысль волновали и другие темы, другие проблемы. Но, тем не менее, обращенность к истории, тип отношения с нею, способ участия в споре о ней – это если и не краеугольный камень, то, по меньшей мере, обязательный, конструирующий для всей структуры мысли элемент мировоззрения наших писателей, философов, историков и культурологов. Да и не только их одних.

Спор об истории, диалог с нею, рефлексия на темы истории, резонны они или нет, уже давно перестали быть достоянием лишь тонкого слоя вы-

соко просвещенной элиты или более широкого, но все же достаточно специфично мыслящего интеллигентского сословия. Они уже давно захватили в свою орбиту решительно все классы и слои общества и превратились в один из основных факторов, формирующих нашу культуру в целом.

Оглядимся вокруг: как сильно задействована наша культура на свою историю, как она нагружена исторической памятью. Быстрее всего это отражается в нашей речи, в нашем официальном языке. «По сравнению с 1913 годом...», «В тяжкие годы царизма...», «Когда-то на месте нынешнего Дома культуры стояла церковь...» и т.д. В современную речь довольно быстро вернулись, кажется, давно (с 1917 г.) умершие слова: «губернатор», «лицей», «гимназия», «Дума», «полиция», «городской голова», «министр» и др.

Внешне здесь, конечно, господствует противопоставление нового старому, одной культуры – культуре другой, утверждение нового на обломках старого. Но ведь это тоже один из видов спора, диалога, обостренного, огрубленного, но все же спора. Все это происходит потому, что, вопреки всему, в наличии остаются обе стороны, победной песни одного противника на

костях другого не получается, до полного разрыва традиции и инновации дело не доходит. Всегда имеет место, скорее, имитация разрыва, ибо новая культура, декларируя свою решительную противоположность старой, на деле с момента рождения никогда не ставила своей задачей довести дело до полного разрыва. Диалектично не отрицая своих корней, она полагала себя не только антитезой старому, но и синтезом старого и нового. На практике же эта установка вела к тому, что спор приобретал как бы неопределенный, половинчатый, амбивалентный характер, колеблясь от вульгарного крика до почти нежного, любовного лепета.

Историческая память прошлого особенно наглядно проявляет себя в переломные моменты, в драматические периоды нашей истории. Вспомним, как наивные люди, поверившие в линейность отношений со старой культурой, с историей, были здорово удивлены и выбиты из колеи, когда во время Великой Отечественной войны Сталин сперва вызвал к жизни тени великих предков – вплоть до святого Александра Невского, ввел Ордена Суворова, Кутузова, Ушакова, Нахимова, Богдана Хмельницкого, затем восстановил почти совсем раз-

рушенную Церковь, способствовал созданию массы фильмов о наших полководцах прошлых времен, и, наконец, ввел в Армии те самые золотые погоны, которые на протяжении двадцати лет считались непременным атрибутом старого враждебного мира. А «золотопогонников» (офицеров белой армии), кто не успел убежать за рубеж – практически всех казнили или сгноили в сталинских лагерях.

Однако еще задолго до войны прозорливый А. Толстой берется писать роман о Петре Первом, и Сталин тотчас отличает его от прочей литературной братии, живо интересуется ходом работы, подгоняет и ободряет писателя. В сущности, ничего не меняется и сегодня – в постсоветский период нашей истории.

А вообще наша отечественная литература, изобразительное искусство, театр, кино? Разве взятые суммарно, они не представляют собой одного гигантски разросшегося – вширь и вглубь – диалога с историей? Не отражают стремления так или иначе оценить прошлое, нередко – очернить его, но не редко и возвысить, найти точки соприкосновения с настоящим, постичь случившееся, доказать, что «все действительное – разумно», ибо

обусловлено ходом исторического процесса?

Из вышесказанного ясно, что диалог или спор прошлого с настоящим всегда подразумевает наличие, как минимум, двух измерений: **во-первых**, отношение к сегодняшнему состоянию страны и ее культуры и, **во-вторых**, к ее прошлому. Постараемся построить простейшую формализованную матрицу типичного отношения наших людей к своей истории в рамках единого культурного пространства:

1. Абсолютно полное принятие и «истории» и «современности», то есть **отказ видеть в истории** или **в современности** какие бы то ни было **минусы**, дает возможность оценить это в виде некоего «квасного патриотизма». Это случай, конечно, вырожденный, но и такое встречается. Согласитесь, что, ради оптимизма, такое отношение очень удобно. (Все всегда было хорошо, и сейчас хорошо, а будет еще лучше).

2. Абсолютное отвержение «современности» и столь же абсолютная **идеализация «истории»** в итоге рождает представление о «золотом веке», о райской жизни наших предков, а применительно к будущему – реставраторские настроения.

3. Абсолютное *неприятие* «*истории*» плюс абсолютное *приятие* «*современности*» производит на свет монстра, человека «псевдокультуры». К несчастью, и такое тоже реально существует. Это он усердно уничтожает памятники старины, взрывает церкви, ликует: «Конец площади Дзержинского!», не задавая себе вопроса: «Ну, ладно, Дзержинский... А чем Лермонтов – то вам насолил? Ведь остановку метро Лермонтова в центре Москвы под шумок зачем-то тоже ликвидировали». Это он с садистическим удовольствием, цинично, губит природу, леса, реки, якобы во имя прогресса, но в действительности потому, что чувствует в них отзвук священного, родного – ненавистной ему исторической народной души.

4. Четвертый тип возникает из абсолютного *отрицания* не только «*современности*», но и «*истории*». Этот тип «*оголтелого западника*». Его кредо: «В России никогда не было, нет, и не будет ничего хорошего. В России нет цивилизации. В России, если и есть культура, то только варварская. Вот Запад – другое дело!». С другой стороны, этот тип – яркое выражение холопства, когда, в угоду Западу, мысли и поступки приобретают уродливую форму. Особенно это заметно

в сегодняшней тенденции развития русского языка, когда англоязычные слова заполнили сегодня практически все современное культурное пространство России.

Откройте наши сегодняшние газеты и журналы. Их страницы буквально исполосованы «конфронтациями в парламенте», «рэклетом в маркетинге», «менеджментом в бизнесе». Посмотрите на названия радио и теле программ: «Телемикст», «Бомонд», «Тинко», «Евромикс», «Телетайп», «Военное ревю»... Обезьяний синдром подражания выплеснулся на улицы наших городов: размалеванные «шопы», «нонстопы», «литл бары», а попросту говоря – лотки, ларьки и забегаловки похожи на купчих, надевших пестрые юбки и вообразивших себя английской королевой. Не стану доказывать, будто название «магазин» лучше «шопа» или «бутика». Речь идет о другом: можно принять в свой оборот любое иностранное слово при условии, если его вообще нет в русском языке. А если есть, то стоит ли его предавать забвению? Кто-то ведь должен, используя историческую память, хранить чистоту литературного русского языка?

По опыту знаю, как полезно произнести все слова насчет прибли-

зительности такой матрицы, огрубленности и условности приведенных выше четырех типов субъектов, ибо подлинного многообразия, сложнейшего, жизненного переплетения спора и диалога с историей они не отражают.

В заключение хотелось бы сослаться на мнение выдающегося английского историка А. Дж. Тойнби, который никогда не исключал Россию из цивилизованного русла истории. В своей знаменитой книге «Постижение истории» он отмечал ее специфику, связанную с православием и византийскими корнями, особо анализируя попытки вестернизации, всегда ставящие Россию перед историческим выбором: «чтобы спастись от опасности принудительной и полной вестернизации, русские предпочитают перенимать у Запада кое-что выборочно, и здесь им приходится брать инициативу на себя, чтобы этот неприятный процесс прошел вовремя и держался в нужных рамках. Возникает, естественно, судьбоносный для России вопрос: может ли кто-либо заимствовать чужую цивилизацию частично, не рискуя быть поглощенным ею целиком и полностью?»¹⁰.

¹⁰ Тойнби А. Дж. Постижение истории. – Избранное. – М. – 2001. – С. 7.

Список литературных источников

1. Бердяев Н.А. Судьба России. – М.: МГУ, 1990. – 240 с.
2. Гадамер Г.Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
3. Линченко А.А. Диалектика памяти и забвения в понимании соотношения традиционного и нового в культуре. // В кн.: Второй Российский культурологический конгресс. – Культурное многообразие: от прошлого к будущему. – Программа. Тезисы докладов. – СПб. – 2008. – С. 203.
4. Макаров А.И. Проклятая память. О функциях забвения в культуре. // В кн.: Второй Российский культурологический конгресс. – Культурное многообразие: от прошлого к будущему. – Программа. Тезисы докладов. – СПб. – 2008. – С. 202–203.
5. Марков В.И. Забвение как катарсис. // В кн.: Второй Российский культурологический конгресс. – Культурное многообразие: от прошлого к будущему. – Программа. Тезисы докладов. – СПб. – 2008. – С. 202.
6. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1975. – 846 с.

7. Рикер П. Диалектика памяти и забвения. // Культурология: Дайд-жест. – М., 2002.
8. Современная социальная теория: Бурдьё, Гиденс, Хабермас. – Новосибирск: НГУ, 1995. – 120 с.
9. Тойнби А. Дж. Постижение истории. – Избранное. – М., 2001. – 640 с.

Информация об авторе

Кургузов Владимир Лукич; доктор культурологии; кандидат исторических наук; завкафедрой культурологии и социокультурной антропологии Восточно-Сибирского государственного технологического университета; e-mail: vlkurguzov@rambler.ru

Kurguzov Vladimir Lukich

Historical memory and oblivion in the cultural space as a representation of the past in the present

Abstract

The correlation of tradition and innovation in the culture space of Russia is an actual problem of socio-cultural practice. However the ways of transfer of positive experience are not found still. The decision of this global problem depends on the existence of Historical memory and its connection with its able to turn into the factor of evolution and development. In another hand, when new people reproduce someting new in new conditions it is the creation of something new. Memory it is not only something that we remember but and that what we forget. The social aspect of this problem is that with help of legacy are over come which prevent to be a new form of life. The historical memory is a necessary condition of spiritual self-definition without which the life of impossible anyway.

Keywords

Culture, tradition, innovation, memory, oblivion, legacy, past, present.

Bibliography

1. Verdyayev N.A. The fate of Russia. – Moscow: MGU, 1990. – 240 p.

2. Gadamer G.G. Truth and Method: Fundamentals of philosophical hermeneutics. – Moscow: Progress, 1988. – 704 p.
3. Linchenko A.A. The dialectics of memory and oblivion in the understanding of relationships in traditional and new culture. // The Second Russian Congress in Cultural. – Cultural diversity: from past to future. – Program. Abstracts. – SPb., 2008. – P. 203.
4. Makarov A.I. That damned memory. On the functions of oblivion in the culture. // The Second Russian Congress in Cultural. – Cultural diversity: from past to future. – Program. Abstracts. – SPb., 2008. – P. 202–203.
5. Markov V.I. Oblivion like a catharsis. // The Second Russian Congress in Cultural. – Cultural diversity: from past to future. – Program. Abstracts. – SPb., 2008. – P. 202.
6. Ozhegov S.I. Dictionary of Russian language. – Moscow, 1975. – 846 p.
7. Ricoeur P. The dialectics of memory and oblivion. // Kul'turologiya: Daidzhest. – Moscow. – 2002.
8. Modern social theory: Bourdieu, Gidens, Habermas. – Novosibirsk: NSU, 1995. – 120 p.
9. Toynbee A.J. Study of History. – Selected works. – Moscow, 2001. – 640 p.

Author's data

Kurguzov Vladimir Lukich; PhD (History); doctor of Cultural Studies; head of Cultural and socio-cultural anthropology Department of East Siberian State Technological University; e-mail: vlkurguzov@rambler.ru